

— Прости, это всё моя вина.

— Не следовало мне надеяться выбить для тебя роль и задерживаться на том ужине. Надо было увести тебя сразу, как только я увидел того Цзи.

— Всё из-за меня... — Слезы катились по щекам Сюэ Сэня, одна, другая, пока он не разрыдался в голос. — Сяо, я знаю, что теперь любые слова запоздали. Ты вправе не прощать меня. Прости! Сяо, прости!

Ши Сяо нахмурился. Слова этого мужчины звучали логично, в них не было явных изъянов, да и чувства казались подлинными. И всё же что-то было не так.

Но что именно?

Продюсер говорил, что господин Цзи оплатил его лечение на полмесяца вперёд.

А этот тип, называющий себя его парнем и представившийся как Сюэ, утверждал, что вчера господин Цзи велел его опохмелить. Но... как же тогда он умер?

Неужели господин Цзи увлекался садомазохизмом и заигрался до смерти?

От одной мысли о том, через что ему, возможно, пришлось пройти, Ши Сяо почувствовал тошноту. Глаза его налились кровью, а голос задрожал:

— Со мной... господин Цзи... это сделал?

— Сяо, не спрашивай, — Сюэ Сэнь снова рухнул на колени у кровати, ухватился за его руку и зарыдал. — Не спрашивай. Всё моя вина. Сяо, мои чувства к тебе настоящие. Что бы ни случилось, я буду относиться к тебе по-прежнему, никогда не отвернусь.

Сюэ Сэнь поднял заплаканное лицо:

— Сяо, я люблю тебя.

Перед столь искренним признанием Ши Сяо на миг смутился, но внутри всё равно ёкнуло: что-то не сходилось.

И в этот момент он заметил, что дверь палаты бесшумно отворилась.

На пороге стоял мужчина.

Высокий, под метр девяносто пять, почти вровень с косяком. На нём был безупречно сидящий серый костюм, на переносице — очки в тонкой золотой оправе. Черты лица — чёткие, резкие, невероятно handsome, а от всей фигуры веяло леденящим, нечеловеческим спокойствием.

— Врёшь! Неисправимый! — Мужчина приподнял веки, бросив на него бесстрастный взгляд. Голос прозвучал холодно и безжизненно, словно механический. — Я ещё не гнушаюсь, а ты, отребье, уже смеешь? Вон!

Он сделал отдалённый захватывающий жест рукой — и Сюэ Сэня отбросило невидимой силой. Тот отлетел на несколько шагов, грохнулся о стену, и в глазах у него потемнело. Прийти в себя он не мог долго.

Незнакомец у двери был не кем иным, как самим Янь-ваном.

Владыка Царства мёртвых, управляющий круговоротом перерождений в Трёх мирах, Янь-ван правил Преисподней много лет, не допустив ни единой ошибки. Но прошлой ночью случился сбой.

В полночь его разбудил сигнал высшей тревоги от системы.

В Преисподней существовали две системы, аналог электронных реестров мира людей. Одна называлась Книгой жизни и смерти, другая — Книгой заслуг.

В Книге жизни и смерти регистрировались все люди и животные в мире живых, а в Книге заслуг — все души, проходящие цикл перерождений.

Срок жизни каждого, кто рождался человеком в нынешнем воплощении, определялся заслугами, накопленными в прошлой жизни. Раз определённый, он, как правило, уже не менялся.

Хотя из-за существования великих праведников и великих злодеев Янь-ван периодически отправлял слуг для корректировки срока жизни отдельных людей, большинство судеб, раз утверждённых, оставались неизменными. Весь жизненный путь от рождения до смерти строго следовал записям в Книге жизни и смерти.

Но прошлой ночью человек по имени Ши Сяо, который не должен был умереть... умер.

Янь-ван, проведший в Преисподней долгие годы, был окружён густой иньской энергией и спал плохо. Разбуженный, он был мрачен, и от него исходил пронизывающий холод:

— Что случилось?

Демон-слуга, дрожа, подал ему особый тёмный планшет Царства мёртвых. На экране система Книги жизни и смерти издавала протяжный, пронзительный сигнал «ди-и-и». На странице ошибки значилось: этот Ши Сяо должен был дожить до 108 лет, но четверть часа назад inexplicably отдал концы.

Срок в 108 лет означал, что его заслуги из прошлой жизни были огромны. В нынешние времена, когда нравы падают, а сердца черствеют, людей, способных накопить такие заслуги, почти не осталось.

Янь-ван взял планшет, скользнул по нему взглядом и ледяным тоном спросил:

— Где он?

Демон-слуга поспешно достал особый тёмный телефон Царства мёртвых и с помощью GPS-системы полной локации душ Преисподней определил местонахождение души Ши Сяо:

— На... на мосту Наньхэ. Только что выпил отвар Мэн По.

Янь-ван: «...»

Не только умер тот, кто не должен был умирать, но ещё и выпил отвар, который не должен был пить. Это была крупнейшая ошибка за всё время его правления. Он сжал губы, хладнокровно уволил инженера, ответственного за обслуживание системы, открыл особый тёмный ноутбук Царства мёртвых, удалённо установил на телефон Ши Сяо приложение «Система обслуживания трёх миров» и открыл доступ к Системе Янь-вана.

— По мере модернизации управления в мире богов, Преисподняя также начала применять GPS-технологии локации душ для контроля перерождений и сбора умерших душ. Однако возвращение мёртвого к жизни было впервые, и требовалась точная привязка, чтобы в процессе возвращения души в тело не произошло ошибок.

Поскольку скорость движения души ограничена, процесс ожидания был долгим. Янь-ван ждал несколько часов, начал нервничать и от нечего делать заглянул в моменты Ши Сяо.

Он просто хотел посмотреть, чем WeChat мира людей отличается от их, божественного, но...

Взгляд Янь-вана, и без того холодный и безжизненный, стал на три градуса ледянее.

Что? «Проваливай, Янь-ван»?

Лента Ши Сяо была забита сообщениями, написанными заглавными буквами, жирным шрифтом и с восклицательными знаками: «Про-ва-ли-вай! Янь-ван!»

Янь-ван бесстрастно уставился в экран. В его тёмных зрачках отражался холодный свет монитора, а взгляд был остёр, как отточенное лезвие. От него исходила крайне суровая, леденящая, властная аура.

Как божество, держащее в своих руках право жизни и смерти над всеми живыми существами, Янь-ван занимал высочайшее положение. Даже боги относились к нему вежливо, не говоря уже о людях.

Это был первый со времён сотворения мира смертный, осмелившийся послать Янь-вана куда подальше!

Как звали этого наглеца? Ши Сяо?

Янь-ван щёлкнул мышью и вызвал данные этого смертного по имени «Ши Сяо».

Он полагал, что этот дерзкий, не страшщийся ни небес, ни земли, ни самого Янь-вана человек в нынешней жизни должен быть бесстрашным сорвиголовой.

Но перед ним предстал... милый мальчуган?

Нет, «мальчуган» не совсем точно. В Книге жизни и смерти значилось, что ему 22 года, но лицо было нежным, как у подростка. Белое, гладкое, словно очищенное варёное яйцо, пухлые щёчки, розовые губки, чуть мясистый носик — смотрелось очень мило. Из-под чёлки выглядывали большие, круглые, чёрные глаза, ясные и живые, с лёгким оттенком наивной чистоты.

Выглядел так, словно его легко обидеть.

Хм...

Янь-ван почувствовал, как его холодное, окаменевшее сердце с лёгким хрустом дало маленькую трещинку. Ледяной взгляд слегка смягчился, и он продолжил читать.

Что? Кролик?

Янь-ван мгновенно представил себе белоснежного кролика, торчащие мохнатые длинные уши, злобно оскаленные передние зубы и короткие передние лапки, размахивающие в его сторону.

Хм, довольно мило.

Но строго говоря, Ши Сяо не был чистокровным кроликом. Он был полукровкой: его отец, кролик-оборотень с короткой жизнью, погиб в результате несчастного случая ещё до его рождения, а мать, обычная женщина, умерла от тяжёлых родов, убитая горем после смерти мужа.

Ши Сяо родился с обвитием пуповины вокруг шеи и чудом выжил.

Сирота с самого рождения.

Маленький несчастный, из-за короткого пушистого кроличьего хвостика, с которым он родился, в приюте его считали чудовищем и безжалостно травили. Однако этот злополучный хвост исчез, когда ему исполнился год.

В возрасте одного года и трёх месяцев его усыновила супружеская пара по фамилии Ши.

<http://bllate.org/book/16255/1462117>